

1989. — 7 февр. — с. 4.

КИНО В ЛИЦАХ

Улыбка мгновенно преображает Людмилу Зайцеву. Обыкновенное вроде бы лицо освещается, становится особенно привлекательным, добрым. Хочется еще и еще вглядываться, чтобы понять не актерскую — человеческую сущность. А ведь это — то основное, что нам, зрителям, так важно в сегодняшнем многообразии артистических индивидуальностей.

Те, кто лет 15 назад (уже пятнадцать!) смотрел фильм «Здравствуй и прощай», наверняка запомнили героиню Зайцевой, деревенскую женщину, которую бросил никчемный чудаковатый муж, и все перипетии ее судьбы. Смешная эта история, где перемешано поверхностное с глубинным, сыграна артисткой ярко, азартно, освещена той самой, всепообеждающей улыбкой.

Часто, слишком часто в нашем кинематографе большие актеры, достаточно всем нам известные, завораживающие своим талантом, остаются — как бы точнее сказать — не до востребовавшими, что ли. Вот и Людмила Зайцева... Лихой сержант Кириянова в картине «А зори здесь тихие», героини лирических комедий «Кадкина всякий знает» и «Журавль в небе»; пусть не главные, но заметные роли в фильмах «Печки-лавочки» (поставлен В. Шукшиным), «Ксения — любимая жена Федора», интересная работа в телефильме «Дождь в чужом городе».

Мы сидим, разговариваем и по пальцам считаем, в скольких же фильмах она снялась. «Презд-

Людмила Зайцева

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ — ЭТО ДЕНЬ НАДЕЖДЫ

ники детства» (снова «встреча» с миром Шукшина), «Я за тебя отвечаю», «Говорит Москва», еще сколько-то. Нет, не «раз-два и обчелся»...

— Да что там, когда была девчонкой, вслух и сказать боялась, а про себя думала: когда-нибудь хоть одну-единственную роль в кино сыграть — и все. И уже счастье. Так об этом мечтало.

Застенчивая? Да. Но зато на редкость упорная. Может, это чисто крестьянское, из рода в род передаваемое, без чего на земле не проживешь? Три года подряд уезжала она из дома в Москву поступать «учиться на артистку». Сдавала экзамены, как водится, сразу во все театральные школы-студии — и возвращалась ни с чем. Другая бы устала, она — нет. После третьего отказа, чтобы не слышать родительских уговоров, она уехала в Рязань, поступила во вспомогательный состав местного ТЮЗа. Доставались ей маленькие роли, зато прошла школу жизненную и актерскую: пусть впроголодь, пусть общестийский неуют, но занималась дикцией, пластикой, фехтованием, пением.

А затем поступила в Шукшинское училище. Первой «своей» ролью считает ту, которую ей доверил кинорежиссер Ростоцкий: Кириянова в «Зорях». А попросила сама. Так увлечена была повестью Бориса Васильева, что сказала: «Возьмите хоть в массовку!»

Оттолкнувшись от воспоминаний времени далекого, переходим к разговору про сегодняшний день. Сегодня — надеюсь, пока — талантливой артистке ролей, для нее приемлемых, не предлагают. Вот оно, то самое недобостребование. Обидно. Но что интересно: никак не оторваться душой от фильма, по счету последнего, от «Маленькой Веры». Может быть, потому, что еще «не окуналась» в новую роль, в другую жизнь, а может, слишком много отдано этой героине, ее судьбе, Людмила Васильевна размышляет:

— О фильме по-разному говорят. Драма, трагедия нашей жизни? По-моему, да, бесспорно.

Почему именно рабочая семья? Да сколько таких же аспирантских, актерских, неважно каких. Это про нас про всех, вот в чем беда. И сделать такую картину, наверное, мог только 26-летний режиссер. Мы живем и живем. У очень и очень многих нет нравственной основы в жизни: работа — поесть-попить — работа. И все. Уверены: об этом и говорить не нужно, не стоит. А они, молодые: «Нет, нужно, нет, стоит!» Точнее, чем в «Маленькой Вере», про нашу всепроникающую бездуховность не скажешь.

— А такой вот возрастной разрыв не мешал вам и Юрию Назарову, заслуженным артистам, работать с молодым, тогда не известным режиссером, не создавал дополнительных трудностей?

— Нет. Работалось нам с Васей Пичулом нормально. А вот каждый день погружать свою душу в этот ад тяжело. Назаров — очень опытный актер, кого только он не играл. И думающий. Ему, прежде чем «влезть в шкуру» героя, надо во всем разобраться. Нам с ним играть было все-таки легче, чем молодым. Опыт. Да и, как говорится, не в «графьев» приходилось перевоплощаться, свой брат — простой человек. Думаю, Наташе Негде, играющей Веру, все было сложнее. Она, недавняя выпускница Школы-студии МХАТа, из иной среды, из очень интеллигентной семьи. Ну, ей помогали, кроме актерских способностей, трудолюбие, просто-напросто «введливость» в работе. Андрей Соколов, ее «другок», а затем молодой муж по фильму, он — вахтанговец. В жизни совсем другой, чем в картине: застенчивый, молчаливый. Вот и ему, как всем нам, во многом приходилось «притворяться», что ни говорите, в этом фильме привычные клише нарушены, сняты. Зато как важен смысловой итог! А кто-то в своих письмах утверждает: «Плевок в душу народа!» Давно в эту душу наплевали, и вовсе не мы своим фильмом!

Слушая Людмилу Васильевну, логически убедительные ее рассуждения, вдруг начинаешь понимать, что она... волнуется. До сих пор, когда

вроде бы и зрительно-критические страсти потухли, и на трех международных фестивалях — в Монреале, в Чикаго и Венеции — картина получила призы, а вот все равно она, Зайцева, не главный ведь создатель, скорее, «соучастник», перебудоражена, взволнована. Спрашиваю, так ли это? До сих пор, когда проходят встречи творческой группы со зрителями, она входит в зал к концу просмотра, там, где «маленькая Вера» вот-вот умрет, держа эту дурацкую зажженную свечку в руках, у нее, не экранной матери Веры, а реальной Люды Зайцевой, начинают дрожать руки и какой-то ком в горле:

— Не отпускает фильм, ну никак не отпускает. Все думаешь: «это моя боль, мой народ». И так становится всех жалко, хоть плачь!

И последнее, о чем, пожалуй, больше всего спорят, чем возмущаются. Интересно, как думает Людмила Васильевна, нужна ли в картине пресловутая эротическая сцена или без нее прекрасно можно было бы обойтись? В ответ — спокойно-взвешенное:

— Нужна. Ведь она — как бы подтверждение бездуховности: да, любят друг друга, а любить-то не умеют. Даже «это» делают вроде бы мимоходом, на скорую руку, рассуждая о чем-то.

Еще при первом нашем с Людмилой Васильевой знакомстве зашел разговор о том вечном, что мы понимаем под словом «любовь», и вот что она тогда сказала: «Это ведь нравственное понятие. Любят — значит не просто сходятся. Любовь — она как лакмусовая бумажка определяет, человек ты или не человек, так, дрянь, и больше ничего...» Что ж, она и сейчас в этом уверена.

— Есть тревога: что перевесит, коммерция или духовность? Нельзя же создать совершенное человеческое общество, пока человек несовершенен. Куда мы повернем? Нет хорошей колбасы. Мы строим дома кое-как, и они рушатся в миг беды. Но ведь какой станет человек, такая будет и колбаса, таким будет то, что он соорудит. Наше невежество и темнота привели к жизни наподобие той, в «Маленькой Вере» (опять она, эта «Вера»!). Мы, наше общество, уже начали усваивать какие-то нравственные уроки. Мы делаем первые шаги к истинному милосердию. Пытаемся и в своей истории, и в самих себе разбираться. Вот это и вселяет надежду в завтрашний день. Пока не уверенность — надежду!

Евгения КАБАЛКИНА.

● Кадр из фильма «Журавль в небе». Актеры Л. Зайцева и А. Демьяненко.